

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ ИСКУССТВ И КУЛЬТУРЫ**

ЭТЮДЫ КУЛЬТУРЫ

**Материалы научно-практической конференции
молодых ученых, аспирантов и студентов**

Томск, 29 апреля 2011 г.

**Томск
2011**

«ГОРОДСКИЕ» КОДЕКСЫ: PRO ET CONTRA

М.В. Черепанова

ГОУ ВПО «Томский государственный университет»

Морально-этические кодексы, считавшиеся еще недавно пережитком, исключительно достопримечательностью прошлого, сегодня вновь начинают внедряться в практику на различных уровнях жизни российского общества. В СМИ постоянно появляются сообщения о создании очередного свода правил, призванного облагородить облик современного человека. Особый интерес в данной связи азыывают «городские» кодексы, регламентирующие поведение людей в черте тех или иных урбанистических агломераций. Знание и уважение к историческому наследию, соблюдение чистоты помыслов и души, настоящий патриотизм, укрепление семейных ценностей и устоев – такие высокие цели и задачи ставят перед собой их составители. Разработка подобных кодексов ведется в Санкт-Петербурге, Томске, Липецке, Нижнем Новгороде, Анапе и ряде других городов России. Увлечение представителей властных структур неформальными кодификативными формами проявилось неожиданно и неувидительно, если так же быстро оно и исчезнет, но на сегодня, данный феномен являет собой часть культуры нашей страны и требует осмысления.

На первый взгляд, появление неформальных кодексов свидетельствует о совершении очередного витка истории, когда на смену постмодерну с его вседозволенностью приходит «неоклассика» с единой для всех системой ценностных ориентиров. Общеизвестно, что наша страна в 90-е гг. столкнулась с явлением аномии (разрушением системы моральных норм и их рассогласованием друг с другом), сменившей гиперномию (сверхнормированность) коммунистического режима («Моральный кодекс строителя коммунизма», 1961 г.). По мнению В.К. Левашова, «в конце XX – начале XXI века российское общество, ввергнутое государством сначала в «перестройку», а затем в «радикальные реформы», постоянно испытывало моральные девиации и дефицит не столько социальных, экономических и политических, сколько нравственных ориентиров, ценностей и образцов поведения» [1. С. 113]. В плане их возрождения именно кодексы могут оказать неоценимую помощь, послужив переходным этапом в становлении новой модели нравственности, задать интенциональность хаотичному до этого момента процессу межличностных коммуникаций. Тем более приемлем такой переход для России, развитие которой

в разные периоды ее истории было детерминировано активным вмешательством власти в общественную жизнь. Царивший в нашей стране на протяжении многих веков православно-патриархальный уклад, а затем сменившая его административно-командная система, нормативно диктующая свои постановления подведомственному электорату, в большинстве случаев нивелировали зачатки демократических устроений и заложили основы функционирования государственной машины, базирующейся не на рефлексивном мышлении, а на дисциплинированном исполнении разработанных властями норм. В то же время необходимо помнить о том, что мораль, по своему определению, не может быть раз и навсегда жестко закреплена в каких бы то ни было формах, и существование кодексов только подтверждает этот тезис, так как они являют собой лишь черту – итоговую и одновременно створтовую, дающую отправной посыл к разработке новых, более совершенных образцов поведения. Это тем более обоснованно, что современное общество является гораздо более динамичным по сравнению с доиндустриальным, в условиях которого и были разработаны первые кодексы.

Каждый день сегодняшней жизни несет новые изменения, и обеспечить детальную детерминацию человеческого поведения, очевидно, просто невозможно. Именно поэтому современные кодексы призваны видоизменяться: как порождение классической культуры, они должны заключать в себе итог накопленных обществом ценностных установок и норм поведения, а как дань постмодерну – должны оставлять пространство для реализации свободы личности. Абсолютизация жесткой моральной регуляции или, наоборот, полной свободы действий не может стать достойным разрешением возникающих в обществе противоречий. Необходим поиск компромисса, нацеленного на сочетание достижений классической и неклассической культуры, в частности возможно составление кодексов, дающих лишь магистральное направление развития человека, но не претендующих на всеохватность своих формулировок. Так появляется пространство для реализации свободы, не выходящей за пределы общечеловеческих норм и ценностей. М.А. Можейко в данной ситуации говорит о возможном переходе от «этики кодекса» к «этике творчества» [2], направленной на иное понимание нравственного сознания и морального действия и стремящейся к выработке особого сценария морального поведения для каждого конкретного случая. Но для того чтобы подобный переход свершился, нужно время, в течение которого действия людей должны соотноситься с некоторыми незыблемыми принципами, образцы

которых и должны представлять современные кодексы. Такая стабилизация нравственного климата в обществе зачастую приводит к динамизации общественных отношений, служит стимулом для дальнейшего развития культуры.

Поэтому для новых кодексов представляется необходимым соединение двух основных черт: иерархической структуры (предполагающей непреминуемую интенцию к идеалу), свойственной для классического периода культуры, и магистральной вариативности, представляющей собой порождение эпохи постмодерна. Включение первого пункта обусловлено тем, что именно нормативность является «специфической онтологической характеристикой культуры» [3. С. 13], которая всегда есть ориентация на нечто абсолютное, здесь-и-сейчас-невозможное и предполагает постоянную творческую переработку сложившейся ситуации с целью её преобразования в иное, высшее состояние. То есть чтобы кодекс стал не просто техническим документом, но обрел принадлежность к сфере культуры, необходима его направленность на трансформацию наличного бытия. Это требует аключения в его структуру идеала, как высшего уровня экзистенции, обеспечивающего интенциональность развития личности, а вместе с ней и культуры. Вариативность воплощения моральных императивов внутри магистрального направления, этот отголосок эпохи постмодерна, должна стать полезной в переходный период развития кодификации и послужить основой для выработки в дальнейшем принципиальной системы ценностей. Поэтому сама идея разработки и внедрения кодексов на территории нашей страны является актуальной и перспективной, но, к сожалению, способ воплощения её в жизнь не соответствует поставленным высоким целям.

«Городские» кодексы ни по одному из пунктов не могут быть признаны образцами классической неформальной кодификации, «первыми ро-стками неоклассики». Как это ни парадоксально, все они несут на себе яркий отпечаток культуры постмодерна и представляют собой не что иное, как имитацию исходного понятия – очередной симулякр, призванный убедить общественность в стабилизации обстановки в стране.

Существует несколько факторов, характеризующих «городские» кодексы с этой позиции.

В первую очередь, это наличие формы без содержания. Создание функционирующих кодексов невозможно в отсутствие единой концепции понимания их сущности, а также методологической основы разработки и написания неформальных кодификативных документов, в связи с чем и

возникают мозаичность и пестрота их форм и неоднозначность содержания. Зачастую кодексы превращаются лишь в подробную инструкцию по поведению в той или иной ситуации и не предусматривают наличия под собой некоего глубинного этического пласта, призванного активизировать работу сознания, пробудить работу разума и чувства. Таким образом, кодекс лишается одной из своих важнейших составляющих: неформальная морально-нравственная регуляция превращается в аналог регуляции технической, в содержание кодекса отражает в немалой степени интересы создававших его людей, а значит, лишается объективности, становится волеизлиянием определенной части социума, изменяет принципу общечеловеческой морали. Так создан проект «Кодекс томича», который разработан одной из природоохранных организаций Томской области, и поэтому ключевое место в нем отведено правилам взаимоотношений человека и окружающей среды, и практически он не касается историко-культурной специфики города.

Во-вторых, характерным для «городских» кодексов является их мультиплицирование и тиражирование без изменения сущностных характеристик. Разработка отдельными регионами и городами подобных документов вовсе не означает, что итоговые своды будут отражать территориальную специфичность. Скорее наоборот – в большинстве они окажутся совершенно обезличены и с успехом могут быть отнесены к любому месту. Яркий пример – тот же «Кодекс томича» – о месте разработки и планируемого применения говорит название – все пункты в нем написаны от первого лица и могут быть отнесены к любой местности. Создание такого кодекса превращается в дань моде. Стремление оказаться в авангарде культурной жизни страны оказывается первоочередным, а это отражается на качестве разрабатываемых документов: пункты, включаемые в состав кодексов, зачастую вызывают множество нареканий к их составителям. Например, прописанная в проекте «Кодекса липчанина» «необходимость не выходить на улицы города в спортивной одежде, а также парандже и другой нетрадиционной национальной одежде и разговаривать в общественных местах только на русском языке», несомненно, противоречит неотъемлемому праву любого человека на национальную и культурную самоидентификацию, а связи с чем встает важный вопрос о соотношении и соподчинении различных кодексов (а также о соразмерности идеалов, принципов и норм, в них прописанных) в контексте современной культуры. Подобных противоречий и недоразумений в «городских» кодексах встречается немало, и возможные последствия внедрения их в жизнь мо-

гут оказаться очень серьезными – вплоть до разгорания межнациональной вражды, поэтому прежде чем запускать подобные «законоуложения» в практическую жизнь современных россиян, необходимо проводить очень серьезный многоаспектный анализ создаваемых документов.

В-третьих, очевидно отсутствие адекватных мер по внедрению кодексов в жизнь. Конечно, нельзя требовать от подобных инициатив мгновенных результатов – процесс морально-нравственного воспитания не может свершиться в одночасье, но для того чтобы его осуществление началось, нужны активные действия со стороны властей, подобные хотя бы тем, которые разворачиваются в стране в преддверии очередных политических выборов. Возникает резонный вопрос, так ли заинтересовано руководство страны в духовном росте нации. В прежние времена зачастую именно яркий представитель элиты становился образцом для подражания и его личный пример вызывал стремление окружающих его людей к саморазвитию, и в данной связи немаловажным фактором является негативное отношение среднестатистического россиянина к органам местного самоуправления: к сожалению, до сих пор слишком сильны в России самодержавные настроения, характеризующиеся верой в безгрешность главы государства, будь то царь или президент, которую сопровождает ненависть к чиновничеству на местах. Эти настроения усиливаются в связи с тем, что наряду с «общими» кодексами создаются «специальные» кодексы для чиновников, призванные регламентировать деятельность аппарата и выделяющие его, таким образом, из числа остальных людей, что неизменно вызывает очередные нарекания со стороны подведомственного электората. Подобного рода документы, навязанные свыше, никогда не найдут отклик в сердцах простых людей. Учитывая то, что проекты эти носят рекомендательный характер и не являются законодательной инициативой, воплощение их на практике вообще не представляется возможным. В таких случаях речь не идет о кодексах, развивающих рефлексивную деятельность через их осмысление и преодоление: это скорее технические декларации, содержащие подробные инструкции для «формирования стереотипов положительного поведения».

Итак, можно сделать вывод о том, что создание большого числа подобных документов никоим образом не скажется на повышении морального уровня населения нашей страны. Незнание исторической сути и философских обоснований данного феномена приводит к тому, что изначально очень специализированные и узконаправленные кодексы (ориентированные на конкретную профессиональную или сословную группу) пытаются превратить в своды, детерминирующие поведение жителей

целого отдельно взятого города. При этом не учитывается специфика многих составляющих, как-то: национально-культурные, возрастные, профессиональные особенности. Зачастую в «городских» кодексах намечается тенденция к унификации населения на определенной основе. Например, принятый в 2010 г. «Кодекс киевлянина», гласит, что «киевляне преимущественно являются христианами», «киевлянин исправно посещает храм», тем самым обозначая приоритет православной веры над другими, что не может быть воспринято положительно представителями других конфессий, проживающих в городе. В данной связи наиболее правильным видится отказ от такого рода практики, от кодификации, дискредитирующей само существование подобных уложений.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что, с одной стороны, создание и внедрение в жизнь морально-этических кодексов – это положительный фактор, так как само явление кодификации является неизменным атрибутом культурного развития того или иного общества (именно появление тех или иных кодексов на протяжении тысячелетий подводило черту целым векам мировой истории и давало толчок к новым доселе неизвестным формам человеческого бытия). С другой же стороны, неумелое и необоснованное претворение кодексов в жизнь может свести на нет весь их прогрессивный потенциал, превратить в пустые декларации, лишённые творческого ядра, а то и повлечь за собой необратимые последствия. Подобное противоречие непременно должно быть преодолено путем изначально глубокого теоретического изучения данного феномена как части современной культуры, учета многовекового опыта составления и внедрения подобных документов, обязательного обоснования декларируемых положений, исходя из национальных либо «местных» традиций.

Источники

1. Юревич А В Нравственное состояние современного российского общества // Психологический журнал. 2009. Т. 30, № 3. С. 107–117.
2. Можайко М А От «этики кодекса» к «этике творчества»: трансформация нравственного сознания в современной культуре. URL <http://lib.icr.su/node/1239> (дата обращения: 27.08.2010).
3. Аванесов С С Нормативность культуры // Дефиниции культуры. Томск: Изд-во Том ун-та, 2009. Вып. 8. С. 12–15.